

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

52

рассказа
о любви

Е ж е н е д е л ь н и к

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Оформление переплета *Елизавета Корсакова*

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 52 рассказа о любви: Еженедельник / Денис Драгунский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 506, [6] с. — (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-191606-0

Денис Драгунский — писатель и журналист, автор книг «Фабрика прозы», «Обманщики», «Двоюродная жизнь», «Смелая женщина до сорока лет», «Подлинная жизнь Дениса Кораблёва» и многих других.

В этой книге собраны 52 рассказа о любви — счастливой, роковой, веселой, трагической, вечной, мимолетной, терпеливой, утомительной, нежной, злой, верной, безумной, робкой, страстной, прохладной, глупой, внезапной, тайной, навивной, циничной, бескорыстной, продажной, благородной, низменной, плотской, интеллектуальной, идеальной, аристократичной, простонародной, искренней, наигранной, депрессивной, серьезной, комичной, сдержанной, отвязной, благовоспитанной, нахальной, загадочной, целеустремленной, разгильдяйской, яростной, всепрощающей, безотчетной, драгоценной, незабвенной, никчемной, обидной, мудрой, мстительной, бесстыдной и даже равнодушной — но все равно это любовь, и она никогда не бывает несчастной.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191606-0

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно это было. Мне и моим друзьям-ровесникам было лет по тридцать-сорок. Как-то раз мы сидели, пили вино и хвастались, у кого сколько было романов за всю жизнь. Правду сказал великий французский новеллист: о чем еще говорить в мужской компании после обеда? Мы загибали пальцы, закатывали глаза, чесали в затылках, неслышно шептали имена и фамилии.

Один из нас сказал:

— А мне и считать не надо. В прошлом году у меня романов было ровнехонько пятьдесят два. И в позапрошлом тоже. Полагаю, — усмехнулся он, — что по итогам текущего года получится столько же.

— Ого! — изумились мы. — Врешь! Да, и еще: а почему именно пятьдесят два?

— Неужели не поняли? — ответно удивился он. — Я же музыкант!

Он действительно был музыкантом: играл и пел в популярном ансамбле.

— У меня уже несколько лет, — объяснял он, — не жизнь, а бесконечный «чёс» по всему Союзу.

Практически без отпусков. Может быть, пять раз в году по четыре дня отдыхаю. А так — сплошняком гастроли. Каждую неделю новый город, там концерты, не менее двух. Ну и... Сами понимаете. Обязательно что-нибудь этакое происходит. Кто? Да мало ли. Поклонница-фанатка, журналистка, гримерша, костюмерша, парикмахерша, официантка — иногда сам даже не знаю, кто: она не рассказывает, а спрашивать неловко, да и незачем...

Мы засмеялись и сказали, что это не *романы*, а сами знаете что.

Он даже обиделся.

— Нет! — говорит. — Это всегда была любовь! Пускай недолгая. Но самая настоящая. Там все было — внезапная симпатия, красивое лицо, глаза, жест... первый взгляд, первый вздох, разговор, прогулка по ночному городу, кафе, дерзость или неловкость... счастье быть вместе... потом разлука... Чем не любовь?

— Очень уж кратко! — смеялись мы.

— Дураки вы! — он не сдавался. — Огромные романы Льва Толстого — это литература? А коротенькие рассказы Чехова? Неужели нет? А? То-то же!

Эк загнул! Мы даже предположить не могли про нашего друга, гитариста и певца, что он такой философ.

Я вспомнил этот давний разговор, составляя сборник своих рассказов о любви. Пусть их будет пятьдесят два — по числу недель в году. Разделенные, как любой год, на четыре квартала согласно сезонам, в которые происходит действие.

Но почему опять о любви?

Вечный спор:

— Художественное произведение тогда лишь значительно и полезно, когда оно в своей идее содержит какую-нибудь серьезную общественную задачу, — говорил Костя, сердито глядя на Ярцева. — Если в произведении протест против крепостного права или автор вооружается против высшего света с его пошлостями, то такое произведение значительно и полезно. Те же романы и повести, где ах да ох, да она его полюбила, а он ее разлюбил, — такие произведения, говорю я, ничтожны, и черт их побери.

— Я с вами согласна, Константин Иванович, — сказала Юлия Сергеевна. — Один описывает любовное свидание, другой — измену, третий — встречу после разлуки. Неужели нет других сюжетов? Ведь очень много людей, больных, несчастных, замученных нуждой, которым, должно быть, противно все это читать.

— Если поэзия не решает вопросов, которые кажутся вам важными, — сказал Ярцев, — то обратитесь к сочинениям по технике, полицейскому и финансовому праву, читайте научные фельетоны. К чему это нужно, чтобы в «Ромео и Жульете» вместо любви шла речь, положим, о свободе преподавания или о дезинфекции тюрем, если об этом вы найдете в специальных статьях и руководствах? (А.П.Чехов. «Три года», 1895)

Сдается мне, что этот самый Ярцев (кстати говоря, весьма симпатичный чеховский персонаж) прав.

Но не потому, что надо разделять жанры: про большие общественные проблемы писать в серьезных диссертациях, а о чувствах, и прежде всего о любви — в изящной словесности. Дело не в этом.

Потому что вся литература на самом деле — о любви, и только о ней.

Жизнь человека — это, некоторым образом, «дом с мезонином».

Все чувства, эмоции и переживания, которые живут в мезонине, на верхнем как бы этаже нашего «я», крепко опираются на то, что делается в доме и в подвале. И наоборот, влечения и страсти сильно влияют на наше социальное поведение. Рассказ о любви при внимательном чтении может оказаться политическим памфлетом — как тот же чеховский «Дом с мезонином», в котором говорится не столько о любви, сколько о столкновении радикальных социалистов, либералов-*постепеновцев* и добродушных интеллигентных мещан — актуальнейший конфликт конца XIX века...

Читатели мне часто пишут письма, особенно в социальных сетях. Если у меня в рассказе любящая пара сильно ссорится и в итоге расстается — читатели говорят: «Ага! Значит, любви-то там и не было!» Предполагается, что любовь — это чувство единственное, вечное и всепрощающее.

Оно бы и хорошо, да так не бывает.

А самое главное, не бывает никакой *просто любви*, а тем более *любви вообще*. Она всегда разная, и у нее всегда есть причины — кстати, как и у ненависти. Иногда они как будто играют в пинг-понг.

Почему мальчик Ваня из самого первого в этом сборнике рассказа яростно влюбился в уродливую нищую девочку-инвалидку? Скорее всего, потому, что он терпеть не мог своих богатых и влиятельных родителей. За что? Возможно, ему было стыдно се-

мейной роскоши на фоне обыкновенной жизни обычных ребят, с которыми он общался. А может быть, его постоянно унижали, оскорбляли, попрекали в детстве. У него не было сил убежать, отказаться от богатства и комфорта — и он решил отомстить родителям вот таким манером.

Почему отец сделал свою единственную дочь участницей схемы по отмыванию преступных денег? (А уж какие там были преступления, вообще вообразить страшно: рассказ «Дочь военного пенсионера».) Потому что любил ее так сильно, что на все был готов ради ее обеспеченной жизни.

Почему Сандра из рассказа «Незнакомый мужчина» спуталась с какими-то темными личностями? Потому что она обожала свою маму, красивую, удачливую, строгую *self-made woman*: четыре года в университете, два — в магистратуре, три — в докторантуре, еще пять лет рядовой сотрудницей, еще пять лет заведомом, еще пять — начальница департамента, еще пять — вице-директор — ура, жизнь удалась! Бери пример, доченька. «Что?! Четверть века обдирать локти? Никогда!» Обожание превращается в ненависть: лучше тюрьма на краю света, чем мамина прямая спина, аккуратная прическа и презрительно-сочувственный взгляд.

Почему Мира Захарова вдруг убежала от любящего и доброго Саши Муромцева прямо в новогоднюю ночь? Имеет право. Молодость, внезапное увлечение, и вообще, как сказал поэт, «сердцу девы нет закона». Но и сердцу юноши — тоже. «А теперь, через тридцать лет, ты, драная кошка, хочешь, чтоб я помог тебе с работой? Вон отсюда!» То есть, выходит,

Денис Драгунский

он любил ее все эти годы — потому и не простил (рассказ «Мира и Мура»).

А вот успешная банкирша Светка Быстрова и знаменитый художник Павлик Лопатин из рассказа «Развилка и риск» тоже любили друг друга лет сорок назад — но все же поженились в конце концов, хотя когда-то он ее обидно бросил, а она его чуть не убила.

И даже случайная встреча с *девушкой по вызову* (рассказ «Частный фельдшер») может стать драгоценным переживанием доброты и сочувствия, то есть самой настоящей, искренней и человеческой любовью, пусть и на часок. Хотя ни сама девушка, ни ее нечаянный партнер ни разу потом об этом не вспомнят.

Едва ли не главное в любви — то, чего мы не замечаем. Забываем, упускаем из виду, отмахиваемся, иногда презираем и даже ненавидим. А оно — вернее, она сама, любовь, — живет в нас и тихонько шепчет: «Это я. Я здесь. Я с тобой».

Она всегда с нами. Надо только услышать ее голос в шуме дней.

Июнь 2026

ЯНВАРЬ — МАРТ

не люби, богатый, бедную

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Мальчик Ваня жил на четвертом этаже, и на пятом тоже — у них была двухэтажная квартира в огромном новом доме из гранита, мрамора и хрусталя в переулке недалеко от Белорусского вокзала, на месте бывшей фабрики.

Но совсем рядом была старая панельная многоэтажка, и вот в ней-то как раз и жила девочка Настя. В однокомнатной квартире на первом этаже, что несколько облегчало жизнь ее мамы, потому что девочка не могла ходить. У девочки была какая-то редчайшая болезнь. Синдром Какусаки-Тукисуки, или вроде этого. Так она объясняла мальчику, смеясь. Потому что в ее положении ей ничего, кроме смеха, не оставалось. Сами смотрите — папы нет, и никогда не было, у мамы грошовая зарплата и крохотная пенсия на ребенка-инвалида. Мама приходила с работы, кормила дочь, а потом выволакивала ее на коляске погулять и оставляла во дворе на часок-другой.

Девочка была совсем некрасивая. У нее была плохо зашитая заячья губа, редкие крупные зубы, большие косо стоящие глаза. Прикрытые одеялом тон-

кие-претонкие ноги с навечно распухшими коленками. Зато руки, несмотря на ее четырнадцать лет, были большие и сильные, с широкими ладонями и намозоленными пальцами, потому что она сама вертела колеса своей коляски. Она была похожа на лягушку.

Мальчик влюбился в нее сразу. Дело было зимой. Он случайно проходил мимо детской площадки рядом с этой панельной многоэтажкой и увидел, как она одна катается в своей коляске вокруг заснеженной песочницы. Он целый час ходил рядом и смотрел в ее широко и косо расставленные серые глаза.

Вечером рассказал про нее своей маме. Какая она милая, бедная, несчастная, но веселая и умная и вообще потрясающая. Мама сказала: «Завтра отнеси ей что-нибудь вкусное», — и сама собрала корзинку фруктов, растроганно думая, какая добрая душа у ее мальчика.

Хотя на самом деле надо было тем же вечером увозить сына в другую страну и там отдавать в кадетское училище или духовную семинарию, потому что с каждым днем он все сильнее привязывался к этой инвалидке. И вообще ни с кем не водился, кроме нее. Вот ему уже пятнадцать лет исполнилось, потом — шестнадцать, а он, придя из школы, тут же бежал к ней, вытаскивал ее гулять, и они о чем-то долго разговаривали. Это было уже похоже на легкое безумие.

Потом Настина мама умерла, а папы не было вовсе, и Ваня попросил свою маму нанять для Насти помощницу.

* * *

— Ну и какие у тебя планы? — однажды спросила Ванина мама, у которой уже лопалось терпение на все это смотреть.

— Обыкновенные, — сказал Ваня. — Нам исполнится восемнадцать, и мы поженимся. Только, мама, она почему-то не хочет. Может быть, стесняется? Ты с ней поговори, ладно?

— Но нельзя же насильно! — обрадовалась мама. — Я, конечно, попробую, но ей решать, она самостоятельный человек, личность! Вдруг она тебя на самом деле не любит?

— Ну и что? — Ваня пожал плечами. — Я-то ее все равно люблю. А если она не захочет, буду ее дальше уговаривать. Не сразу, так через год, пять, десять, она все-таки меня полюбит.

— Она не сможет быть твоей женой, — сказала мама.

— А почему?

— Она больна.

— Я знаю.

— Нет! — жестко сказала мама. — Ты не все знаешь. Я говорила с врачами.

— Кто тебя просил? — закричал Ваня.

— Но ты же мой сын! — крикнула она в ответ. — Я же не против! Женись хоть на лягушке, мы с папой вас обеспечим, и детей ваших, и внуков. Но я должна знать. Я все узнала. У нее глубокий инфантилизм половых органов, — чеканила мама. — У нее матка и влагалище, как у годовалого ребенка. Прости меня, что я так вслух. Она не сможет не только